

Научная статья

УДК 34

doi:10.21685/2307-9525-2021-9-3-9

О ВЗГЛЯДАХ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДОКТРИНЫ НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ И ПУТЯХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПОДХОДОВ В РОССИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Константин Юрьевич Сасыкин

Фармацевтическая компания «ПУЛЬС», Санкт-Петербург, Россия

sasykin-delo@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проведен анализ принципа «In dubio pro duriore» (при сомнении – по самому строгому варианту) как максимы обвинительного уклона в уголовном процессе, закрепленной в доктрине и правоприменительной практике Швейцарской Конфедерации. Отечественный уголовный процесс на институциональном уровне близок к швейцарскому варианту, и неосвещенность данного принципа в российской доктрине и практике свидетельствует о возможных перспективах его детального исследования и применения. Интерес к исследованию основан на традиционных проблемах необоснованных отказов и/или затягивания начала уголовного преследования со стороны уполномоченных государством органов, а также неверной с их стороны квалификацией преступных деяний, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации. *Материалы и методы.* Указанный принцип рассматривается с ракурса возможности применения в российской практике на стадии доследственной проверки и на стадии предварительного расследования. В частности, производится сопоставление «In dubio pro duriore» с принципами уголовного судопроизводства, закрепленными в отечественном УПК, даются ссылки на практику Федерального Суда Швейцарии, российскую и швейцарскую доктрину. *Результаты.* Результатом исследования является привлечение внимания научной среды к проблематике первоначальной квалификации уголовно наказуемых деяний на стадии доследственной проверки и на стадии предварительного расследования, а также к зарубежной (швейцарской) доктрине и практике. *Выводы.* Сформулирован вывод о том, что «In dubio pro duriore» есть ничто иное (и должен рассматриваться) как неотъемлемый элемент реализации права на доступ к правосудию, однако который в России требует дополнительного законодательного и судебного (практического) закрепления. Предложены пути внедрения принципа в отечественный уголовный процесс.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, Швейцария, *Opinio juris*, сравнительное законодательство, Уголовно-процессуальный кодекс России, начало производства, проверочные действия, теория непреодолимых сомнений, судебная власть

Для цитирования: Сасыкин К. Ю. О взглядах швейцарской доктрины на доступ к правосудию и путях имплементации некоторых подходов в российский уголовный процесс // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 3. С. 88–98. doi:10.21685/2307-9525-2021-9-3-9

Original article

ON THE VIEWS OF THE SWISS DOCTRINE ON ACCESS TO JUSTICE AND WAYS TO IMPLEMENT CERTAIN APPROACHES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Konstantin Yu. Sasykin

PULSE Pharmaceutical Company, St. Petersburg, Russia

sasykin-delo@mail.ru

Abstract. *Background.* The author analyzes the principle «In dubio pro duriore» (in case of doubt – according to the strictest version) as a maxim of the accusatory bias in criminal

proceedings enshrined in the doctrine and law enforcement practice of the Swiss Confederation. The Russian criminal process at the institutional level is close to the Swiss version. The lack of covering this principle in the Russian doctrine and practice indicates the possible prospects for its detailed investigation and application. The interest in research is based on the traditional problems of unjustified refusals and/or delayed initiation of criminal proceeding by authorized state bodies, as well as incorrect qualification of criminal acts at the stage of initiating a criminal case in the Russian Federation. *Materials and methods.* This principle is considered in terms of possible application in the Russian practice at the stage of pre-investigation check and at the stage of preliminary investigation. In particular, the author compares the principle «In dubio pro duriore» with the principles of criminal proceedings enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and provides references to the practice of the Swiss Federal Court, Russian and Swiss doctrines. *Results.* The research draws attention of the scientific community to the problem of initial qualification of criminal acts at the stage of pre-investigation check and at the stage of preliminary investigation, as well as to foreign (Swiss) doctrine and practice. *Conclusions.* The author concludes that the principle «In dubio pro duriore» is (and should be considered) as an integral element of establishing the right to justice, but in Russia this requires additional legislative and judicial (practical) recognition. The ways to introduce the principle into the Russian criminal process are proposed.

Keywords: criminal proceedings, Switzerland, *Opinio juris*, comparative legislation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, initiation of proceeding, check, theory of irremediable doubts, judiciary

For citation: Sasykin K.Yu. On the Views of the Swiss Doctrine on Access to Justice and Ways to Implement Certain Approaches in the Russian Criminal Process. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2021;9(3):88–98. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2021-9-3-9

В целях эффективной реализации конституционных гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав и свобод граждан отечественным законодателем принят Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ)¹, определивший все обязательные стадии уголовного процесса и порядок их проведения.

Первой и традиционно проблемной в практическом плане стадией российского уголовного процесса является стадия возбуждения уголовного дела (также – стадия доследственной проверки сообщения о преступлении).

И, действительно, на размывание границ стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования указывает, например, д.ю.н. Н. С. Манова, отмечая, что в действующем правопорядке фактически стерт рубеж, отделявший ранее доследственную проверку от следующей стадии, и подобная тенденция неизбежно «порождает нигилистическое отношение к акту возбуждения уголовного дела как к пустой, изживающей себя формальности и ведет к эрозии досудебного производства в уголовном процессе» [1, с. 27].

«Суррогатом расследования» именуется стадия возбуждения уголовного дела д.ю.н. С. С. Безруков, обращая внимание, что Концепцией судебной реформы в Российской Федерации 1991–1992 гг. определено направление по ее (стадии) ликвидации, ссылаясь также на беспрецедентное разрастание доследственной проверки, приводящее к размыванию границ между процессуальной и следственной деятельностью [2, с. 54].

«Мутировавшим реликтом социалистической законности» со своей стороны называет стадию д.ю.н. Ю. В. Деришев, отмечая, что она давно уже выполнила свою миссию по укреплению процессуальной культуры и дисциплины, начав постепенно отмирать [3, с. 71].

Стоит сказать, что приведенная выше выборка научных воззрений является лишь «крупницей», основана на многочисленных исследованиях данными и другими авторами проблематик, связанных с ненадлежащей регламентацией вопросов

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Правовой Сервер КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.07.2021).

правового статуса субъектов-участников доследственной проверки, включая, с одной стороны, неурегулированность правового статуса заявителя и его защитника, очевидца, лица, в отношении которого осуществляется проверка, прокурора, суда, а с другой стороны, излишние предоставленные для данной стадии полномочия субъектов, проводящих проверку. Особую проблематику представляет собой недостаток правового регулирования предельных сроков доследственной проверки. Например, предусмотренные УПК РФ трех-, десяти- и месячный сроки проведения доследственной проверки, определенные в том числе ч. 1 и 3 ст. 144, предполагают возможность бесконечного повторного исчисления в рамках дополнительных проверок и не соответствуют разумности.

На проблему указывал и Конституционный Суд РФ в своем Определении от 29 января 2019 г. № 14-О, отмечая, что любой отказ в возбуждении уголовного дела, если он необоснован, ограничивает право на доступ к правосудию, а поэтому постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела относится к таким актам, которые, безусловно, способны затруднить такой доступ, причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства.

И если научные взгляды и позиция Конституционного Суда РФ в исследовании уже определены, то логичен вопрос о том, насколько реальна и распространена проблема правоприменения на стадии доследственной проверки (а затем, как следствие, и стадии предварительного расследования), редки ли ограничения на доступ к правосудию в российской практике уже на этапе проверки первоначальной информации о преступлении.

Отвечая на данный вопрос, сразу же отметим, что затрагивать очевидные и легко проверяемые деяния, имеющие окончанный состав и выраженные последствия (например, убийство), при обсуждении проблематики начала уголовного судопроизводства не имеет смысла. Речь идет о проблематике применения уголовно-процессуальных норм на начальном этапе именно в отношении традиционно высоколатентных видов преступлений, в том числе делящихся, объем информации о которых либо отсутствует вовсе, либо заведомо ограничен (например, преступления в сфере экономики, экономической деятельности, экологические преступления и пр.).

В рассматриваемом ракурсе видна массовость судебных актов по вопросам нарушений УПК РФ в части невозбуждения уголовных дел¹. Чтобы не быть голословным, акцент стоит сделать, например, на апелляционном постановлении Белгородского областного суда от 16 сентября 2020 г. № 22к-1136/2020, где рассмотрены обстоятельства проведения доследственных проверок в период с 2017 по 2020 г., которые заканчивались идентичными по содержанию постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела. В решении же Хабаровского краевого суда от 19 декабря 2018 г. по делу № 3А-184/2018~М-180/18 приведены обстоятельства вынесения 23 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела без каких-либо проверок доводов заявителя в течение 23 месяцев.

Во-первых, данная практика лишь подтверждает выводы различных авторов о недостоверности официальной статистики преступности в Российской Федерации. Например, как указывает д.ю.н. С. М. Иншаков, уровень фактической преступности в нашей стране превышает уровень зарегистрированной более чем в семь раз [4, с. 5], а также свидетельствует о реальном бездействии со стороны

¹ Например, Апелляционное постановление Московского городского суда от 18.04.2019 по делу № 10-7295/2019, Апелляционное постановление Белгородского областного суда от 16.09.2020 № 22к-1136/2020, Решение Хабаровского краевого суда от 19.12.2018 по делу № 3А-184/2018~М-180/18, Решение Ленинградского областного суда от 27.05.2019 по делу № 3а-115/2019, Апелляционное определение Калининградского областного суда от 06.02.2019 по делу № 33-23/2019(33-5766/2018), Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 12.12.2019 по делу № 22-7968/2019, Решение Ростовского областного суда от 12.03.2020 по делу № 3а-172/2020, Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 16.12.2020 № 22-3093/2020, Апелляционное определение Самарского областного суда от 01.03.2021 по делу № 33-2286/2021(2-3428/2020), Апелляционное постановление Смоленского областного суда от 07.09.2020 № 22к-1424/2020, 3/10-134/2020 и пр.

органов прокуратуры, в полномочия которой входит надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования при осуществлении доследственной проверки (тем более что даже официально органами прокуратуры РФ в январе – декабре 2020 г. было выявлено более 3491,9 тыс. нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, по результатам которых произведено 1809,5 тыс. отмен постановлений о возбуждении уголовного дела, однако по результатам отмены при этом возбуждено 165 тыс. уголовных дел¹).

Во-вторых, данная практика демонстрирует необходимость работы над законодательным регулированием вопросов приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлении. Необходимо начать с причин, признав, что реалии противодействия преступности серьезно изменились. На сегодняшний день по сравнению с прошлым веком и даже прошлым десятилетием мы имеем новые виды преступлений (например, ст. 274 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей), которые в силу различных обстоятельств требуют адекватных, в том числе уголовно-процессуальных, инструментов для их выявления, изобличения виновных лиц, привлечения к ответственности. Может ли сегодня эффективно, т.е. в том числе своевременно, «работать» стадия возбуждения уголовного дела, будучи основанной и введенной в УПК РСФСР (1960 г.) как ответ на репрессии 1930-х гг.? Вопрос риторический.

Однако вносить существенные изменения в УПК РФ, в процедуру возбуждения уголовного дела, усиливая в неравной борьбе с преступностью позицию государства и непосредственно потерпевшего при проверке информации о преступлении, законодатель не торопится.

Более того, как представляется, законодатель даже в принципиальных положениях допустил грубейшую ошибку в юридической технике, в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ указав защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, ... ограничения ее прав и свобод среди прочих назначений уголовного судопроизводства, чем фактически усилил позицию стороны лица, вероятно совершившего преступление.

Отметим, во-первых, что защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод не может являться назначением уголовного судопроизводства. Данное положение полностью охватывается принципом законности, предусмотренным в ст. 7 УПК РФ.

В частности, вышеназванная ст. 7 УПК РФ устанавливает требования и о недопустимости применения противоречащего УПК РФ закона и приоритет кодекса над иными законами и нормативно-правовыми актами в части, определяющей правила производства: предусмотрено правило недопустимости доказательств, полученных в нарушение норм УПК РФ.

Представляется, что указанные правила и являются инструментами защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, и, как справедливо отмечает д.ю.н. О. В. Гладышева, ссылаясь на ч. 4 данной статьи УПК РФ, требование о законности, обоснованности и мотивированности определений суда, постановлений судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя – это еще один элемент, составляющий содержание принципа законности в уголовном судопроизводстве [5, с. 17].

Во-вторых, указанная в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ формулировка сама по себе является нововведением. УПК РСФСР (1960 г.) подобного назначения не содержал, подчеркивая в ст. 2 кодекса именно задачи², среди которых выделялась особая

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781> (дата обращения: 19.08.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : [утв. ВС РСФСР 27.10.1960] : [ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 19.08.2021).

важность быстрого и полного раскрытия преступлений, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию.

В-третьих, под обвинением, как справедливо указывал Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П, понимается не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с фактическим подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого. И с данной точки зрения стоит сказать, что на момент проверки сообщения о преступлении в нормальных ситуациях органами предварительного расследования рассматриваются различные версии, в том числе фактически выдвигаются подозрения различным лицам с применением к ним тех или иных ограничений (например, производится освидетельствование), большинство из которых не имеют формального обоснования и в последующем не подтверждаются. С данной позиции выражение назначения судопроизводства в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения представляется некорректным по своей сути.

Подобную проблематику (недостатков правового регулирования вопросов интерпретации деяний) в теоретическом плане также исследует д.ю.н. Л. В. Головкин, демонстрирующий ее на более простом примере – взрыве автомобиля, осуществлявшего движение в людном месте и повлекшего гибель людей [6, с. 84]. Автор справедливо указывает, что если не исходить из ситуации несчастного случая (транспортное средство осуществляет перевозку взрывоопасных веществ на законных основаниях), то не вызывает сомнений необходимость осуществления предварительного расследования. Однако здесь же мы сталкиваемся с актуальным вопросом: как истолковать обстоятельства, которые содержат признаки гипотетического тяжкого преступления?

В свою очередь, Л. В. Головкин указывает важную деталь: вопрос именно в истолковании фактов, а не в оценке с точки зрения квалификации согласно уголовному кодексу, т.е. исследовании обстоятельств с учетом всех неизбежных сомнений относительно имеющихся фактов. Уже в зависимости от этого затем следует (предварительная) квалификация. В таком истолковании возможны самые различные варианты, от ситуации халатности до ситуации террористического акта или, например, убийства, сопряженного с причинением смерти иным лицам.

Существенность вопроса в том, что именно по результатам выбора начального варианта истолкования обстоятельств, а затем дальнейшей квалификации зависят подследственность и первоначальный ход расследования со всеми вытекающими процессуальными последствиями.

И в данной постановке вопроса, действительно, стоит согласиться, что на подсознательном интуитивном уровне мы понимаем, что если к моменту возбуждения уголовного дела имеются сомнения по каждой из версий и не представилось возможным достоверно опровергнуть ни одну из них в ходе доследственной проверки, то уголовное дело должно возбуждаться по самой строгой статье УК РФ (например, в описанной ситуации – ст. 205 УК РФ (террористический акт)). При этом затягивание процесса проверки недопустимо, а зачастую (особенно в случаях с террористической угрозой) и вредоносно в своих последствиях.

Так каково же процессуальное корректное объяснение данного интуитивного понимания? То есть, не только по какой причине, но и на каком основании мы устраняем возникшие сомнения? На каком основании принимаем за основу именно версию совершения террористического акта, а не, допустим, отталкиваемся от иных менее суровых деяний, а также возбуждаем уголовное дело по соответствующей статье УК РФ, хотя и не знаем на этот момент достоверно, к чему приведет нас расследование, поскольку имеющиеся признаки преступления в одинаковой мере соответствуют двум или большему числу версий? Каким образом мы можем нивелировать недостатки квалифицированности уполномоченных на выявление и расследование лиц (прежде всего, дознавателя и следователя)?

В этой связи стоит обратить внимание на зарубежный опыт – например Швейцарской Конфедерации, в уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК

Швейцарии¹) которой также имеется глава (гл. 2), определяющая принципы уголовного судопроизводства, но положений (о назначении уголовного судопроизводства на защиту личности от незаконного ...), подобных п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, не содержащая.

Статья 7 УПК Швейцарии содержит достаточно общие формулировки, что органы уголовного правосудия обязаны возбуждать и осуществлять разбирательства в рамках своей юрисдикции, если им становится известно об уголовных преступлениях или основаниях для подозрений, указывающих на уголовные преступления. В ст. 6 УПК Швейцарии предусмотрено, что криминальные органы немедленно берут в руки уголовное дело и без неоправданной задержки доводят его до конца.

Однако швейцарскому правосудию при реализации указанных принципов известен принцип «*In dubio pro duriore*» (при сомнении – по самому строгому варианту), который напрямую в УПК Швейцарии не указывается, но разработан правовой доктриной (*Opinio juris*, является в Швейцарии вспомогательным источником права, в том числе уголовно-процессуального [7, с. 91]) и находит применение в судебной практике в том числе высшей судебной инстанции – Федерального суда Швейцарии. О применимости данной доктрины в Швейцарии также упоминают отечественные авторы, например д.ю.н. А. В. Головкин [6, с. 84], к.ю.н. А. А. Трефилов [8, с. 193], к.и.н. В. В. Ключевант [9, с. 76].

Нет, речь не идет о хаотичном возбуждении преследования по любому поводу. Принцип, по сути, означает, что к фактическому предъявлению обвинений (по смыслу, придаваемому данному термину Конституционным Судом РФ в вышеназванном определении) применяется иной стандарт, чем в более поздних стадиях процесса, на которых применима презумпция невиновности («*In dubio pro reo*»), согласно которой сомнения работают в пользу обвиняемого. Принцип предназначен именно для обеспечения того, чтобы юрисдикция оставалась именно за судами в процедурах, предусмотренных для этой цели.

Как указывает швейцарский юрист Бит Опплигер, главный прокурор кантона Цюрих, принцип «*In dubio pro duriore*» вытекает из сочетания положений вышеназванной ст. 7 УПК Швейцарии, а также п. 1 ст. 324 и ст. 319 УПК Швейцарии, определяющих порядок прекращения предварительного расследования и порядок предъявления обвинения [10, с. 40].

Бит Хенслер, начальник полиции Люцерна, в своей статье, посвященной вопросам борьбы с преступностью, раскрывая идею принципа, указывает важную деталь, что полиция, а также прокуратура и орган по уголовным преступлениям являются основными адресатами принципа законности в уголовном судопроизводстве [11, с. 46]. Полиция обязана возбудить и вести уголовное дело, если есть первоначальные подозрения, и о таком деянии можно говорить уже тогда, когда есть признаки преступного деяния. Автор в этой связи отмечает, что в случае сомнений всегда следует придерживаться принципа «*In dubio pro duriore*».

Как указывают доктора права Юр-Бит Аккерман и Сара Шеддлер из Университета Люцерна в своей статье «Обвинения в оправдании», если свободная оценка свидетельств приводит к различным гипотезам о реальных событиях, «в игру вступают два хорошо известных правила принятия решений: "*In dubio pro reo*" и "*In dubio pro duriore*"» [12, с. 35]. Как отмечают авторы, первый указанный принцип запрещает прокуратуре («как командиру уголовного дела») или обычному суду выносить приговор (т.е. устанавливать гипотезу о виновности), если существует не только теоретическая возможность оправдания гипотезы на основе доказательной базы. Соответственно, орган, принимающий решения, должен опровергнуть все гипотезы об оправдании обвинительного приговора. Второй же принцип, напротив, требует от прокуратуры предъявлять обвинение в случае различных гипотез инцидента, если не все инкриминирующие гипотезы этого инци-

¹ Swiss Criminal Procedure Code of October 5, 2007 (status as of February 1, 2020). URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/> (дата обращения 10.07.2021).

дента могут быть опровергнуты. Авторы указывают важную деталь: необходимо различать предъявление обвинения, с одной стороны, и ходатайство или предъявление обвинительного приговора или оправдания, с другой стороны. Здесь решающими являются две разные вероятности. Выдвигая обвинения, прокуратура среди прочего обеспечивает, чтобы суд также занимался этим делом.

Однако, безусловно, значительную роль в истолковании принципа сыграл именно Федеральный суд Швейцарии, который, например, в своем решении от 11 апреля 2008 г. по делу 6B_588/2007 указал, что «в качестве практического ориентира должно быть предъявлено обвинение, если обвинительный приговор представляется более вероятным, чем оправдательный. Идея заключается в том, что если доказательства неубедительны, то решение по обвинению должны принимать не следственные органы или органы прокуратуры, а суды, ответственные за оценку по существу. При предъявлении обвинения принцип "In dubio pro reo", адаптированный к судебной оценке доказательств, не применяется. Напротив, согласно максиме "In dubio pro duriore" в случае сомнений (из-за более серьезного правонарушения) должно быть предъявлено обвинение. Принцип, согласно которому в случае сомнений следствие не может быть прекращено, также должен соблюдаться при судебном пересмотре приказов о прекращении»¹.

В данном судебном акте Федеральный суд Швейцарии приводит ссылки на иную свою практику (постановления Федерального суда 6B_615 / 2007 от 8 января 2008 г., Е. 2.3; 1P.65 / 2001 от 20 апреля 2001 г., Е. 3с и 1P.440 / 1996 от 12 ноября 1996 г.), на кантональную практику (Решение Высшего суда кантона Аргау от 7 мая 2004 г. // AGVE. 2004. P. 87 f; Решение Прокуратуры кантона Санкт-Галлен от 15 октября 2004 г. 2001 // GVP. 2001. No. 76), а также на швейцарскую доктрину (Юрг Эшлиманн. Введение в уголовно-процессуальное право. Берн, 1997; Бернар Клетта. Отказ от проведения уголовных расследований в Швейцарии и их прекращение : диссертация. Цюрих, 1983; Никлаус Оберхольцер. Основы уголовно-процессуального права. 2-е изд. Берн, 2005; Жерар Пикерес. Швейцарское уголовное производство. Цюрих, 2000; Никлаус Шмид. Уголовно-процессуальный закон. 4-е изд. Цюрих, 2004; Томас Цвейдлер. Практика Уголовно-процессуального кодекса Тургау. Берн, 2005).

В другом своем решении Федеральный суд Швейцарии указал, что «In dubio pro reo» (презумпция невиновности) выполняет функцию корректирующего фактора в отношении того фактического явления, что обвинение в начале расследования исходит из принципа гипотезы вины, обвинение при применении в процедуре расследования «dubio pro duriore» может быть склонно придавать больше значения инкриминирующим фактам, чем оправдывающим². Федеральный суд Швейцарии указал там же, что тогда суды по причинам психологического принятия решений склонны переоценивать информацию, подтверждающую обвинительное заключение. Федеральный суд Швейцарии приводит в данном судебном акте ссылки на доктрину: Стефан Бернад. In dubio pro reo? // Forumproenale. 2013. P. 113 f со ссылками; об этом же: Витал Швандер. Свободная оценка доказательств с признанием невиновности или без такового? // ZStrR. 1981.

Тем самым фактически в Швейцарии в теории и в практике действует правило: обстоятельства должны расследоваться при наличии минимальной достаточной (первоначальной) информации об инкриминирующих обстоятельствах, исходя при этом из презумпции самого тяжкого деяния, а окончательное решение о квалификации должны принимать не органы предварительного расследования

¹ Rechtsprechung. Tribunale federale. Tribunal federal. {T 0/2} 6B_588/2007/ bri. Urteil vom 11. April 2008. Strafrechtliche Abteilung // Schweizerisches Bundesgericht : website. URL: https://www.bger.ch/ext/eurospider/live/de/php/aza/http/index.php?highlight_docid=aza%3A%2F%2F11-04-2008-6B_588-2007&lang=de&type=show_document&zoom=YES& (дата обращения: 10.07.2021).

² Rechtsprechung. Tribunale federale. Tribunal federal. {T 0/2} 6B_804/2017/ bri. Urteil vom 23. May 2018. Strafrechtliche Abteilung // Schweizerisches Bundesgericht : website. URL: https://www.bger.ch/ext/eurospider/live/de/php/aza/http/index.php?highlight_docid=aza%3A%2F%2F23-05-2018-6B_804-2017&lang=de&type=show_document&zoom=YES& (дата обращения: 10.07.2021).

и не органы прокуратуры, а суд, ответственный за оценку по существу (т.е. недопустимо создание препятствий к уголовному правосудию путем отказа в возбуждении уголовного дела на первоначальной стадии).

Ранее в статье «О внедрении принципа «*in dubio pro duriore*» (при сомнении – по самому строгому варианту) в российский уголовный процесс» нами были рассмотрены возможности применения данного принципа в России, указывался потенциал со ссылками на вышеприведенные проблематики, возникающие уже на первоначальных этапах уголовного процесса, отмечалось, что применение «*In dubio pro duriore*» (приоритетно над «*In dubio pro reo*») на первоначальном этапе в полной мере будет соответствовать иному известному в римском праве принципу «*Status quo ante bellum*» (сохранения положения, бывшего до войны) [13, с. 102].

Закрепление и применение «*In dubio pro duriore*» на стадии доследственной проверки, дознания, предварительного расследования заведомо направлено как на защиту уже (наиболее вероятно) нарушенных прав потенциального потерпевшего, так и на защиту прав такого лица в дальнейшем, в том числе от волокиты и незаконного бездействия учрежденных государством уголовно-процессуальных институтов. Внедрение данного принципа, в частности, позволяет на стадии проверки сообщения о преступлении, стадии дознания понизить стандарт доказывания для органов, ведущих производство расследования, необходимого для принятия ими решений, а также определяет допустимость ошибки как неотъемлемого элемента полномасштабной борьбы с преступностью.

Каким образом возможна реализация данного принципа в России?

Как озвучивалось нами ранее в приведенной работе, данный принцип мог бы быть, в частности, реализован, если начать с трансформации самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела в стадию именно досудебного производства как объединенной фазы уголовного процесса, за которой следует судебное разрешение уголовного дела. И не секрет, что к схожему решению (в той или иной мере), хотя и без ссылок на принцип, приходят различные авторитетные авторы [14, с. 197; 15, с. 174; 16, с. 202; 17, с. 9; 18, с. 183; 19, с. 70; 20, с. 140; 21, с. 270].

Более того, в обозначенном ракурсе стоит сказать, что в УПК Швейцарии, несмотря на наличие элементов стадии возбуждения уголовного дела (свойственных УПК России) и вообще на институциональную близость правовых систем, именно таким образом и реализована процедура возбуждения уголовного дела. Так, согласно ст. 306 УПК Швейцарии информация о преступлении поступает в полицию, которая обязана устанавливать факты, относящиеся к уголовному правонарушению, на основании отчетов, инструкций прокуратуры или собственных выводов, в том числе обеспечить и оценить следы и доказательства; выявить и допросить пострадавших и подозреваемых; остановить и арестовать подозреваемых или при необходимости провести расследование, чтобы выследить их. В ст. 308 и 309 УПК Швейцарии определены действия прокуратуры, возбуждающей расследование на основании поступающей им полицейской информации.

Однако хотелось бы добавить и подчеркнуть, что необходимо комплексное внесение изменений, в том числе в ряд положений УПК РФ, регламентирующих принципы отечественного уголовного судопроизводства, а также определяющих (пока такая стадия существует как отдельный этап) основания для возбуждения уголовного дела.

В частности, названная ст. 6 УПК РФ подлежит корректировке путем устранения ошибки и изложения в следующей редакции: «1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности и тем самым ограничения ее прав и свобод. 2. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Статья 7 УПК РФ обоснованно подлежит переименованию на «Законность уголовного судопроизводства».

Основания для возбуждения уголовного дела (в действующей редакции – ч. 2 ст. 140 УПК РФ) также подлежат следующей корректировке: «Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие минимально достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Завершающим решением являлась бы реализация принципа в практике Верховного Суда РФ, в том числе в виде обзора практики, постановления Пленума Верховного Суда РФ в части правил квалификации деяний (внедрение стандарта квалификации «по наиболее строгому варианту») и определения требований применения таких правил к постановлению о возбуждении уголовного дела (например, в действующей редакции п. 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ требуется указывать пункт, часть, статью УК РФ, на основании которых возбуждается дело).

Развеивая возможные опасения, стоит подчеркнуть, что УПК РФ в ст. 24 предъявляет требование к тому, что возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по основанию, например, отсутствия события преступления или отсутствия в деянии состава преступления, что обеспечивает «*Status quo ante bellum*» (сохранения положения, бывшего до войны). Часть 2 ст. 226 УПК РФ предусматривает право прокурора своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое.

Список литературы

1. Манова Н. С. Проблемы правовой регламентации и практики осуществления деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1 (16). С. 24–30.
2. Безруков С. С. Застарелые проблемы и неопределенные перспективы стадии возбуждения уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 53–55. doi:10.24411/2414-3995-2019-10009
3. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6 (102). С. 71–76.
4. Иншаков С. М. Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 4. С. 5–10.
5. Гладышева О. В. Принципы законности, или Как теория разошлась с правом (взгляд представителя отраслевой науки) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 1 (30). С. 17–23.
6. Головки А. В. Принцип *in dubio pro duriore* и теория неустранимых сомнений, или О пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины // Закон. 2016. № 8. С. 72–84.
7. Трефилов А. А. Система источников уголовно-процессуального права Швейцарии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 87–91. doi:10.12737/20581
8. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран : монография. М. : НИПКЦ Восход-А, 2019. 1024 с.
9. Ключевант В. В. Обвинительный уклон по-латыни (заметки по поводу статьи А. А. Трефилова) // Закон. 2016. № 6. С. 74–78.
10. Oppliger B., Bouvard C. *In dubio pro duriore* – Anklage à contrecœur // Forum-poenale. 2019. № 1. P. 40–45. URL: <https://forum-poenale.recht.ch/de/artikel/01fp0119auf/dubio-pro-duriose-anklage-contrecoeur>
11. Hensler B. Die Alltagsarbeit der Polizei zwischen Legalität und Opportunität // Forum-poenale. 2013. № 1. P. 45–50. URL: <https://forum-poenale.recht.ch/de/artikel/03fp0113auf/die-alltagsarbeit-der-polizei-zwischen-legalitat-und-opportunitat>
12. Ackermann J.-B., Schödler S. Anklage auf Freispruch // Forum-poenale. 2016. № 1. P. 33–38. URL: <https://forum-poenale.recht.ch/de/artikel/01fp0116auf/anklage-auf-freispruch>
13. Сасыкин К. Ю. О внедрении принципа «*in dubio pro duriore*» (при сомнении – по самому строгому варианту) в российский уголовный процесс // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 2 (34). С. 98–104. doi:10.21685/2307-9525-2021-9-2-11

14. Лавров В. П., Победкин А. В. Проверка сообщения о преступлении: условия конституционности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 194–198.
15. Гаврилов Б. Я. Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 8–9 апреля 2021 г.) / отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 175–177.
16. Резван А. П., Федюкина А. Ю. О некоторых вопросах уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности на этапе проверки сообщения о преступлении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 199–204.
17. Логунов О. В., Умнов С. П., Кутуев Э. К. О необходимости упразднения современной стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 7–10.
18. Махов В. Н. Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3 (25). С. 180–185.
19. Дерисhev Ю. В., Смагин К. М. Полицейское дознание как самостоятельный институт полицейского права // Полицейское право. 2005. № 2 (2). С. 69–74.
20. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 137–146. doi:10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146
21. Миллер В. Ю. Институт доследственной (предварительной) проверки в системе современного досудебного производства по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 266–270.

References

1. Manova N.S. Problems of Legal Regulation and Practice at the Stage of Initiation of a Criminal Case. *Pravo. Zakonodatelstvo. Lichnost = Law. Legislation. Person.* 2013;(1):24–30. (In Russ.)
2. Bezrukov S.S. Old Problems and Uncertain Prospects of the Stage of Initiation of a Criminal Case. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Economic Security Bulletin.* 2019;(1): 53–55. (In Russ.). doi:10.24411/2414-3995-2019-10009
3. Derishev Yu.V. The Relic of Socialist Legality Mutates. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Science.* 2017;(6):71–76. (In Russ.)
4. Inshakov S.M. Studying Criminal Latency and Paradoxes of Social Denial of Crime. *Kriminologicheskiiy zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law.* 2008;(4):5–10. (In Russ.)
5. Gladysheva O.V. Principles of Legality, or How Theory Diverged from Law (the View of a Sectoral Science Representative). *Yuridicheskiiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Kuban State University.* 2017;(1):17–23. (In Russ.)
6. Golovko L.V. The Principle in dubio pro duriore and the Theory of Unavoidable Doubts, or On the Benefits of Studying the Swiss Criminal Procedure Doctrine. *Zakon = Law.* 2016;(8):72–84. (In Russ.)
7. Trefilov A.A. System of Criminal Procedural Law Sources in Switzerland. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence.* 2016;(3):87–91. (In Russ.). doi:10.12737/20581
8. Trefilov A.A. *Ugolovnyy protsess zarubezhnykh stran: monografiya = Criminal Procedure in Foreign States: Monograph.* Moscow: NIPKTS Voskhod-A, 2019:1024. (In Russ.)
9. Klyuvgant V.V. Accusatory Bias in Latin (Comments on the Article of A.A. Trefilov). *Zakon = Law.* 2016;(6):74–78. (In Russ.)
10. Oppliger B., Bouvard C. In dubio pro duriore – Anklage à contrecœur. *Forum poenale.* 2019;(1):40–45. Available at: <https://forumpoenale.recht.ch/de/artikel/01fp0119auf/dubio-pro-duriore-anklage-contrecoeur>
11. Hensler B. Die Alltagsarbeit der Polizei zwischen Legalität und Opportunität. *Forum poenale.* 2013;(1):45–50. Available at: <https://forumpoenale.recht.ch/de/artikel/03fp0113auf/die-alltagsarbeit-der-polizei-zwischen-legalitat-und-opportunitat>
12. Ackermann J.-B., Schödler S. Anklage auf Freispruch. *Forum poenale.* 2016;(1):33–38. Available at: <https://forumpoenale.recht.ch/de/artikel/01fp0116auf/anklage-auf-freispruch>

13. Sasykin K.Yu. On the Introducing the Principle «in dubio pro duriore» (in Case of Doubt – according to the Strictest Version) in the Russian Criminal Procedure. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"*. 2021;9(2):98–104. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2021-9-2-11
14. Lavrov V.P., Pobedkin A.V. Cheching a Crime Report: Conditions of Constitutionality. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2018;(2):194–198. (In Russ.)
15. Gavrilov B.Ya. Influence of the Institution of Initiation of a Criminal Case on Fight against Crime. *Aktualnye problemy borby s prestupnostiyu: voprosy teorii i praktiki: materialy XKhIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Krasnoyarsk, 8–9 aprelya 2021 g.) = Problems of Combating Crime: Theory and Practice: Proceedings of the 24th International Scientific-Practical Conference (Krasnoyarsk, 8–9 April 2021)*. Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021:175–177. (In Russ.)
16. Rezvan A.P., Fedyukina A.Yu. On Criminal Procedure and Criminal Intelligence at the Stage of Checking a Crime Report. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2017;(4):199–204. (In Russ.)
17. Logunov O.V., Umnov S.P., Kutuev E.K. On the Need to Abolish the Current Stage of Criminal Proceedings. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2019;(1):7–10. (In Russ.)
18. Makhov V.N. The Stage of Initiation of a Criminal Case to Be Gradually Transformed into the Stage of Police Inquiry. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2014;(3):180–185. (In Russ.)
19. Derishev Yu.V., Smagin K.M. Police Inquiry as an Independent Component of Police Law. *Politseyskoe pravo = Police Law*. 2005;(2):69–74. (In Russ.)
20. Maslennikova L.N. Transformation of Pre-Trial Proceedings into the Initial Stage of Criminal Proceedings Providing Access to Justice in the Era of Industry 4.0. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Topical Issues in Russian Law*. 2019;(6):137–146. (In Russ.). doi:10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146
21. Miller V.Yu. Pre-Investigation (Preliminary) Check in the System of Modern Pre-Trial Proceedings under Criminal Cases. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2017;(4):266–270. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

К. Ю. Сасыкин – юрист, Фармацевтическая компания «ПУЛЬС», 196158, г. Санкт-Петербург, Дунайский пр., 13.

K.Yu. Sasykin – Lawyer, PULSE Pharmaceutical Company, 13 Dunaysky avenue, St. Petersburg, 196158.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 12.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 26.08.2021

Принята к публикации / Accepted 30.08.2021